

В.А. Бочаров, В.И. Маркин. Введение в логику: учебник (доп. и испр.). – М.: Инфра-М.; Форум, 2011. – 560 с.

А.Л. НИКИФОРОВ

В нашей стране за последние годы издано немало учебников по логике. Среди них встречаются популярные и специализированные, ориентированные на гуманитариев или на представителей естественных наук. Известно, что название «логика» может относиться к двум довольно сильно отличающимся дисциплинам. С одной стороны, это – традиционная (аристотелевская) логика, ориентированная на анализ рассуждений, выраженных в повседневном языке. Именно эту дисциплину преподавали в учебных заведениях на протяжении многих столетий вплоть до XX в. и преподают до сих пор. По традиционной логике издано немало хороших учебников, написанных еще до Октябрьской революции, а в советское время – В.Ф. Асмусом, В.И. Кирилловым, А.А. Ивиным, А.Д. Гетмановой и другими авторами. Но под «логикой» можно понимать и математическую логику, сформировавшуюся в начале XX в. и ориентированную на анализ формализованных языков математическими методами. По математической логике также имеется немало хороших учебников, в частности, классические книги Д. Гильберта и В. Аккермана, А. Черча, С.К. Клини и др. Таким образом, перед современными авторами учебников по логике встает серьезный вопрос: о какой логике в нем будет идти речь – о традиционной или математической?

Авторы учебников по традиционной логике обычно учитывают некоторые достижения математической логики и при рассмотрении тех или иных тем включают в изучаемый материал какие-то ее элементы, скажем, логические связки и виды сложных суждений, таблицы истинности, понимание законов логики как тавтологий и т.п. Авторы учебников по математической логике также иногда апеллируют к обыденному языку и повседневным рассуждениям. По-видимому, самым рискованным вариантом является тот, когда пытаются осуществить синтез традиционной и математической логики в одной книге. Именно такой подход и представлен в учебнике В.А. Бочарова и В.И. Маркина. Простые и хорошо известные вещи из курса традиционной логики в изложении наших авторов приобрели столь сложный и незнакомый вид, что их трудно понять даже специалисту.

Неизвестно, какими педагогическими соображениями руководствовались авторы при изложении материала. Часто они начинают говорить о вещах, понять которые можно, лишь прочитав то, что говорится гораздо дальше. Например, в гл. 1 авторы говорят о законах логики и определяют логический закон как «такую логическую форму высказывания, которая принимает значение «истина» при любой интерпретации параметров, входящих в ее состав» (С. 31). Но это можно понять лишь после знакомства с логическими связками и таблицами истинности, о которых речь начнется лишь через 50 страниц текста. На С. 59 читателю предлагают: «Возьмем простое единичное предложение “Петя любит Машу”». Но

читатель пока не знает, что это простое единичное предложение, ибо о видах предложений речь пойдет лишь на 242 странице. Причем единичные высказывания определяются следующим образом: «Высказывания делятся на единичные, в которых признак предиктируется отдельному предмету...» (С. 243). Если единичные (впрочем, и множественные в терминологии авторов) высказывания истолковываются таким образом, то обращение таких высказываний, о котором идет речь на С. 254, должно дать нам предиктирование предмета признаку!

Самым невнятным и путаным является изложение традиционной темы «Понятие». Разговор о понятии начинается только в гл. IX, причем понятие определяется следующим образом: «Понятие есть мысль, которая посредством указания на некоторый признак выделяет из универсума и собирает в класс (обобщает) предметы, обладающие этим признаком» (С. 380). Понятие «выделяет», «собирает», «обобщает» предметы? Хорошо, какие предметы «собирают и обобщают» такие понятия, как «совесть», «пространство», «время», «скорость» и т.п.? На следующей странице авторы утверждают, что любое понятие выражается некоторой (вообще говоря, бессмысленной) конструкцией, которую они почему-то называют «универсалией». Если некоторое выражение является универсалией, то оно является понятием; если же выражение не является универсалией, то оно не будет и понятием. Это, конечно, далеко расходится с обычным философским словоупотреблением, когда универсалиями называют разновидность понятий – предельно общие (или просто общие) понятия. Но бессмысленная конструкция, которую придумали для формального выражения понятий авторы, заставляет их и дальше изобретать совершенно невразумительные вещи, которые едва ли поймет не только студент, но даже и преподаватель. Так, им приходится придумывать различие между логическим и фактическим содержанием понятия и между логическим и фактическим объемами понятия, что лишено какого бы то ни было смысла.

Но читаем дальше: «Специально обращаем внимание на то, – пишут авторы (С. 385), – что так называемые общие термины типа “человек”, “треугольник” и т.д. не являются универсалиями, а потому они и не выражают понятий». Интересно, как это будут воспринимать студенты философского факультета, которым параллельно рассказывают о спорах по поводу универсалий в средневековой схоластике? Впрочем, на той же самой странице несколькими строчками ниже авторы все-таки признают, что слово «треугольник» выражает понятие: «...в геометрии задают все остальные понятия – понятие угла, треугольника, квадрата, катета и др.» (Там же).

Но если «треугольник» и «человек» не выражают понятий, то единичные термины выражают понятия. – «Единичные понятия следует отличать от имен, – настаивают авторы (С. 387). – С помощью имен мы выделяем некоторый предмет из универсума **U**. Понятия же не только выделяют предметы из универсума, но и обобщают (собирают) их в класс. А потому экстенционалом имен является некоторый предмет **u**, который они именуют, экстенционалом же единичных понятий (универсалий) является не сам предмет **u**, а одноэлементное множество **{u}**, а это, как

уже говорилось, разные объекты...». И далее авторы вынуждены решать сложную проблему: когда мы произносим выражение «автор “Евгения Онегина”», то, что мы имеем в виду – Александра Пушкина или единичное множество, элементом которого является Александр Пушкин? И таких псевдопроблем в учебнике довольно много. Например, на С. 440 авторы говорят о простом и достаточно ясном различии между реальными и номинальными определениями. Но что они говорят? – «Определение считается *реальным*, – читаем мы, – если значением определяемого термина является реально (в частности, материально) существующие предметы»; «определение считается *номинальным*, если значением определяемого термина являются предметы реально (в частности, материально) не существующие». Сразу же возникает вопрос: можно ли дать реальное определение таким понятиям, которые относятся к идеализированным объектам, скажем, понятиям «идеального газа», «совершенного зеркала», «инерции» и т.п.? Ведь такие объекты заведомо реально не существуют?

Особенно печально то, что в своих философских воззрениях авторы отстали от современности на сотни лет. Вот они определяют, что такое познание: «Познание – процесс отражения действительности, целью которого является получение адекватных знаний о мире» (С. 14). Поскольку совершенно неясно, что такое «мир», «знание», «адекватное знание», постольку это определение никуда не годится. Но даже В.И. Ленин в своей известной работе «Материализм и эмпириокритицизм» проявил больше философского чутья, подчеркивая «субъективный», особый характер отражения как познания. Далее авторы разделяют чувственную и рациональную ступени познания. Может быть, о Канте они не слышали, но В.А. Смирнов, памяти которого они посвятили свою книгу, еще в начале 60-х годов XX в. писал о том, что следует различать не этапы, не ступени познания, а разные уровни знания. Под ощущением они понимают «психическую реакцию живого организма» (С. 14) на внешнее воздействие, восприятие есть «психический интегрированный комплекс разнообразных ощущений» (Там же). Чувственное познание дает нам «*конкретное* знание», на языковой (рациональной) ступени «мы имеем дело со знанием *абстрактным*» (С. 15). Таким образом, попав под дождь, я получаю конкретное знание, а когда я говорю: «Сейчас идет дождь», то это высказывание выражает абстрактное знание.

Понятие теории авторы определяют следующим образом: «Теория – это система знания, посредством которой описывается, объясняется, систематизируется или предсказывается наличие или отсутствие в некоторой предметной области тех или иных фактов» (С. 499). Ну, как можно описать и систематизировать наличие или отсутствие фактов, – это понять трудно. Зато понятно, что описание и систематизация взаимосвязей и законов в теорию, согласно данному определению, не входит. Про принцип отражения в теории познания, с которого они начали, здесь авторы уже забыли и склонились к инструменталистскому пониманию научной теории. Но даже и столь странное определение теории авторов не устраивает: «Введенное понятие является *содержательным понятием теории* и оказывается непригодным для целей их логического анализа. Поэтому в науке формулируется *формальное понятие теории*, с которым

удобно теоретически и практически работать» (Там же). В какой науке? Кому «удобно работать»? Какое формальное понятие? — А вот какое: «Теория — это множество предложений, замкнутое относительно отношения выводимости» (С. 500). Это определение теории уже давно вызывало смех, ибо согласно этому определению, любое предложение вместе с его следствиями оказывается теорией.

Но для кого предназначен этот учебник? Если для философов и гуманитариев, то он перегружен нарочито усложненной символикой, трудной для восприятия даже специалистами. В учебник включены разделы, которые могут вызвать интерес лишь очень узкой группы специалистов, например, расширения первопорядкового исчисления, негативная силлогистика, различные релевантные логики и т.п. В то же время совершенно ничего не сказано о бурно развивающейся в последние десятилетия в рамках традиционной логики теории аргументации, которая, по-видимому, была бы наиболее полезна для студентов гуманитарного профиля. Неприятное впечатление производит высокомерный тон авторов, например: «В любом научном исследовании нельзя обойтись только так называемым образным, гуманитарным, т.е. неряшливым складом ума» (С. 10). И далее: «В современной философии нет таких областей знания, в которых не использовался бы в той или иной мере логический аппарат» (Там же). Если принять во внимание то обстоятельство, что под «логическим аппаратом» авторы имеют в виду символическую логику, то их философская наивность становится совершенно очевидной.

Авторы считаются признанными специалистами в области логики, однако давно известно, что далеко не каждый специалист способен написать хороший учебник по своей дисциплине...